

С.В. БИРЮКОВ

Политэкономия ренты и Россия. Существует ли средство от “голландской болезни”?

В статье рассматривается концепция капитализма и ренты немецкого экономиста Х. Эльзенханса. Автор анализирует влияние ренты на национальное и глобальное экономическое развитие. Особое внимание в статье уделяется проблемам сырьевой зависимости современной России.

Ключевые слова: капитализм, рента, экономическое развитие, сырьевая зависимость, “голландская болезнь”.

The article describes the concept of capitalism and rent of German economist H. Elsenhans. The author analyzes the influence of rent on the national and global economical development. In this article the importance of commodity dependence's problems for modern Russia is accentuated too.

Keywords: capitalism, rent, economical development, commodity dependence, Dutch disease.

Капитализм vs рента: прогноз Х. Эльзенханса

Современное состояние и перспективы национальных экономик в контексте глобального экономического и политического развития – предмет интереса многих ученых и научных школ. Политэкономическая парадигма, отброшенная в свое время вместе с господствовавшей в СССР версией марксистского учения, сегодня становится все более востребованной, в частности, для изучения специфики институтов и практик, возникающих в рамках политических и экономических систем “переходного” типа в контексте переживаемых ими трансформаций. В то же время современные политическая экономия и политология все более очевидно нуждаются в “большой теории”, которая смогла бы выявить ключевые тренды и перспективы развития мировой (глобальной) экономики и политики. Автор одной из версий подобной “большой теории” Х. Эльзенханс – видный немецкий экономист, профессор Лейпцигского университета, разработавший собственную системную методологию анализа проблем и противоречий мировой экономики и политики, и в том числе – методологию анализа современного состояния и перспектив доминирующего на сегодня капиталистического уклада.

Создание подобной “большой теории” – труд всей жизни Эльзенханса. Итогом его многолетних усилий стала пятитомная “История и экономика европейского завоевания мира” (2007 г.), часть которой в 1976 г. была представлена в качестве докторской диссертации. Германоязычная версия пятитомника вышла в свет под названием “Глобальный капитализм” [Elsenhans, 2012⁶].

В своей недавно опубликованной книге “Подъем и падение мировой капиталистической системы” Эльзенханс предлагает и обосновывает собственную версию “боль-

Бирюков Сергей Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Кемеровского государственного университета.

шой теории”, вступая в теоретическую полемику с И. Валлерстайном, М. Вебером и К. Марксом [Elsenhans, 2011]. Он пытается объяснить, как формировался капитализм, как он распространялся по миру и какие факторы тормозили его продвижение.

Отдельного внимания в этой связи заслуживают методологические принципы немецкого ученого. Он говорит о себе как о системном теоретике и “радикальном интерналисте”, то есть делает исключительный акцент на внутренние факторы экономического развития. Как кейнсианец он занимает среднюю позицию между ортодоксальной “теорией зависимости”, полагающей необходимым преодоление разрыва между “ядром” мировой экономики и ее “периферией”, и неолиберализмом, который считает естественным и необходимым отказ от протекционизма и закрытости национальных экономик с одновременным повышением их конкурентоспособности [Meyers, 2006, S. 30–31]. Особое внимание Эльзенханс уделяет судьбе капиталистического уклада, полагая, что если капитализм не в состоянии трансформировать весь мир, его будущее поражение предопределено и он неизбежно разделит судьбу ушедших в прошлое общественно-экономических формаций.

Эльзенханс глубоко переосмысляет как марксистский, так и либеральный подходы к пониманию природы капитализма, который, по его убеждению, определяется не безграничным стремлением к прибавочной стоимости и к увеличению богатства. Это желание сдерживается давлением “нижних слоев”, стремящихся к расширению своего участия в распределении продуктов труда, равно как и возникновением феномена “массового потребления”. Именно *труд, человек труда* и его потребности оказываются главным двигателем капиталистического производства. Такие ограничения отличают капитализм в структурном отношении от всех других классовых формаций: обогащение здесь во многом зависит от технических инноваций, нацеленных на удовлетворение растущего массового потребительского спроса. Капитализм как спутник буржуазной революции последовательно разрушает все привилегии сословий, равно как и созданные государством монополии.

Буржуазная революция (независимо от происхождения ее лидеров) требует равенства прав и нуждается в правовом государстве, но она не обязана быть демократической. Место привилегий в новом обществе занимает договор о правовом равенстве. Без правовых и политических привилегий богатые могут увеличить свое богатство только тогда, когда продают свои товары на конкурентном рынке по цене, превосходящей затраты на их производство. По убеждению Эльзенханса, у истоков капиталистического способа производства стоит расширение прав и возможностей труда, которое уже на основе докапиталистических технических усовершенствований оказалось столь продуктивным, что предприниматели заранее могли рассчитывать (планировать) доходы своих работников, поставляя на рынок созданные машинным способом потребительские товары.

Расширение прав и возможностей труда становится таким образом основой для подъема капиталистического предпринимательства, пока прибыль, в отличие от ренты, напрямую зависит от объема вложенных в производство инвестиций. Раньше не могут сдерживать экспансию капиталистических предпринимателей, пока последние вкладывают в структуру своих инвестиций будущие доходы работников. Ставка же раньше на существующий избыток ресурсов оказывается, как правило, непродуктивной.

Капитализм, таким образом, опирается не на аккумуляцию капиталов, а на способность создавать массовый спрос и массовые рынки через повышение цены труда как ключевого фактора производства. Экономический рост при капитализме базируется на расширении рынков для товаров массового спроса, что имеет своим следствием рост реальных доходов для основной массы населения. Последнее, по мнению Эльзенханса, приверженного кейнсианской экономической концепции, возможно лишь тогда, когда цена рабочей силы и заработная плата увеличиваются настолько, что появляется возможность создания организованного противовеса работодателю (с помощью аграрной реформы или свободных профсоюзов) и обеспечения дальнейшего подъема доходов. Растущая цена рабочей силы вынуждает предпринимателей инвестировать часть

полученных прибылей в условия для повышения производительности труда. Только в таком случае они останутся конкурентоспособными на рынке и обеспечат рост доходов именно через рост производительности труда. Рост же доходов населения увеличивает емкость рынков, создавая дополнительные стимулы для производителей товаров и услуг. В чистом виде такой уклад, по мнению Эльзенханса, сумел утвердиться в ограниченном числе стран, с цивилизационной точки зрения относящихся к “миру Запада”.

При этом капитализм как децентрализованная система, координация которой осуществляется посредством рынка, постоянно находится под угрозой, вызванной избытком финансовых ресурсов. Капитализм, по Эльзенхансу, – хрупкая общественная форма, децентрализованное управление которой предполагает комплексный запрос на пропорциональность. Управляемый посредством выгоды, капитализм зависит от противодействия многих обогащению немногих, которые через нехватку финансовых ресурсов побуждаются к конкуренции и благодаря этому удерживаются от превращения в рантье: совокупная способность труда остается сдерживающим фактором для капиталистических предпринимателей, стремящихся к максимизации финансовых доходов. Этот противовес слаб во многих из обществ, где докапиталистические структуры доминируют и блокируют переход к капитализму.

Противостоит капитализму, победившему в мировом масштабе, но не сумевшему преобразовать “под себя” экономический уклад всего мира, так называемая модель “рентной экономики”. Рента, согласно Эльзенхансу, – противоположность прибыли. Она возникает в докапиталистических обществах, в которых политика и экономика – равно как публичная и частная сферы – не отделены друг от друга, что распространяется и на сферу управления. Рента – это доход, получаемый за счет экономических излишков (избытков), образующийся благодаря различным несовершенствам рыночных отношений, монополии или политической власти.

Рента выступает как структурирующий фактор в некапиталистических обществах. В основанных на ней системах источник доходов – политический контроль над обеспечивающими ренту ресурсами. К числу последних относятся земля, полезные ископаемые, такие, как нефть и газ, международная торговля, стремящаяся освободиться от таможенных пошлин, а равно и другие виды экономической активности, составляющие “теневую” часть мировой экономики. Источником ренты также может стать помощь экономическому развитию.

Политический процесс в докапиталистических обществах, по мнению Эльзенханса, ведет к образованию государственных классов, распоряжающихся основной частью ренты. Для максимизации ренты они будут стремиться инвестировать ее часть в усиление политического контроля над институтами, поддерживающими и оберегающими их власть (армия, специальные службы).

Извлечение ренты частично выливается и в элитное потребление господствующих слоев, используется для повышения имиджа государства. Следствием этого становится высокая концентрация доходов в руках тех, кто обладают политической властью, в то время как широкие слои населения зачастую довольствуются меньшими доходами в силу ограниченной “емкости” внутреннего рынка. Таким образом, формируется растущий рынок товаров элитного потребления, но не возникает рынка товаров массового спроса, для которого требуется индустриальная основа повышения производительности труда. Бедные слои, составляющие большинство населения таких обществ, компенсируют свою бедность и постоянный демографический рост с помощью особых перераспределительных “сетей солидарности”, контролирующими часть создаваемой в сельском хозяйстве ренты. Они удовлетворяют свои потребности в рамках традиционной модели потребления в узком по объему внутреннем рынке, где продаются дешевые товары повседневного потребления, создаваемые на базе традиционных технологий, низкая себестоимость которых обеспечивается крайне низкой ценой труда в традиционных хозяйствах, что не позволяет создать массовый спрос на высокотехнологичные товары.

В то же время господствующая в рамках рентной системы государственная бюрократия (государственный класс) стремится поддержать трансформацию общества в направлении капитализма [Elsenhans, 1981]. Однако программы индустриализации, иницируемые государственными классами, неэффективны, так как не учитываются их потенциальная рентабельность и отсутствует массовый спрос на продукцию, а программы помощи бедным – малодейственны из-за системной коррупции. Поднимающиеся частный бизнес и средний класс не способны создать качественно новый экономический уклад, поскольку подвергаются мощному политическому давлению и “фискальным набегам” со стороны рантье из государственного класса, стремящегося превратить их в своих клиентов и нейтрализовать таким образом сопротивление со стороны автономных социальных классов. Все правительственные программы, нацеленные на “выравнивание” массового спроса, приводят в итоге к дополнительной концентрации экономических ресурсов в руках государственного класса [Elsenhans, 2001, р. 33–56]. В итоге предпосылки для расширения прав и возможностей труда и итогового перехода к капиталистическому способу производства не создаются ни “сверху”, ни “снизу” [Elsenhans, 2008, S. 26–31].

Что означает все вышесказанное, с точки зрения теории мир-системного анализа И. Валлерстайна? Мировая система создала предпосылки для возникновения капитализма в Европе, но сама продолжала базироваться на ренте. И если капитализм не смог утвердиться в мировом масштабе, то это, по мнению Эльзенханса, свидетельствует *не о глобализации прибыли, но о глобализации ренты* [Elsenhans, 2004, S. 263–289]. Последнее, как считает исследователь, побуждает политические и экономические элиты государств с рентной моделью экономики стремиться к интеграции в мировую экономическую систему, сохраняя без изменений сложившиеся в их странах модели экономического уклада и рынка, а также политические системы. Последнее неизбежно ведет к обострению отношений между классом “рантье” (рентопотребителей) и большинством общества, нередко выливаясь в масштабные социальные потрясения.

В конечном итоге современная мир-система способствует распространению влияния капитализма на докапиталистические структуры “незападных” обществ. При этом необходимые предпосылки для расширения прав и возможностей труда (как предпосылки для капиталистического развития) в них не возникают. Непосредственные экономические, общественные и политические интересы акторов, действующих в рамках некапиталистических структур, последовательно способствуют маргинализации квалифицированного труда (с ослаблением его совокупной конкурентоспособности) и дальнейшему рассмотрению экономических ресурсов как ренты.

Техническое развитие в упомянутых обществах ведет к повышению производительности, но не к росту конечного продукта труда во всех экономических областях, и особенно в такой жизненно важной области, как сельское хозяйство. Техническое развитие способствует прогрессу человеческой цивилизации, но не обязательно создает такую основу для возникновения капитализма, как расширение прав и возможностей труда.

В результате в рамках новой фазы глобализации одновременно терпят крушение как либеральные надежды на конец ренты и всемирное утверждение капитализма, так и надежды на торжество свободного от государственного присутствия “глобального гражданского общества” [Cobden, 1967, р. 284–339]. По заключению Эльзенханса, сегодня не наблюдается признаков всемирного консенсуса относительно вовлечения всех стран в капиталистическое строительство. Одновременно сохраняются возможности использования ренты для проведения индустриальной политики, характерное для стран Юга. Они получают своеобразную идеологическую поддержку благодаря все чаще звучащей критике глобализации и доминирующих сегодня теорий развития, которые, как правило, закрепляют за государством большую ответственность за социально-экономическое развитие, не уточняя при этом механизмов ее реализации.

Не являются проводниками капиталистического уклада новые экономические лидеры. Так, согласно Эльзенхансу, в странах БРИКС низкая гомогенность обществ и

элит побуждает правящие классы придерживаться умеренной стратегии во внутренней и внешней политике, а также опираться на рентный тип экономики и экстенсивные механизмы экономического роста.

Эльзенханс не оптимистичен и в отношении возможностей новых общественных движений, с которыми принято связывать формирование “глобального гражданского общества”. Возникновение в них автономных классов, способствующих, по аналогии с рабочим движением XIX в., утверждению новых типов экономических отношений, маловероятно. Новые социальные движения в странах “третьего” мира, ставящие под сомнение существующее соотношение сил, выступают, согласно Эльзенхансу, скорее как “протестный вентиль”, нежели сила, способная обеспечить расширение прав и возможностей труда, а также повышение уровня цивилизованности глобальной системы [Elsenhans, 2008, S. 42–44].

Как результат ключевой тезис Эльзенханса применительно к современности звучит достаточно провокационно и способен шокировать политических конформистов: капитализм в мировом масштабе – исключение, в то время как основанные на ренте политические системы – правило. Признавая доминирующие позиции капитализма в современном мире, исследователь отмечает, что последний не способен охватить весь мир и трансформировать его. В итоге, несмотря на то, что государственный суверенитет в современных условиях превращается в “пустое понятие”, государственное вмешательство в экономику отдельных стран будет только возрастать, поскольку именно в нем многим сегодня видится единственный способ преодолеть “диспропорции” в сложившемся разделении труда. В результате, согласно Эльзенхансу, в руках национальных правительств, не преуспевших в создании неокорпоративистских механизмов для стимулирования экономических трансформаций, окажутся сосредоточены дополнительные экономические ресурсы. Это в итоге приведет к укреплению “рентных начал” экономики [Elsenhans, 2006, S. 103–109].

Будут ли созданы предпосылки для формирования устойчивой капиталистической системы в глобальном масштабе, по мнению исследователя, неизвестно. Для расширения возможностей труда силы капитализма на современной стадии глобализации слишком слабы. Рента, но не прибыль, определяет дальнейшее развитие социальных структур в ключевых регионах мира и с помощью института государств оказывает обратное воздействие на международную систему в целом.

Как результат, по мнению Эльзенханса, основанные на извлечении ренты экономические и политические системы находятся сегодня на подъеме, благодаря чему дни капиталистической системы сочтены. Капитализм руководствуется логикой прибыли, в то время как остальной “некапиталистический” мир – логикой ренты, что делает дальнейшее существование капитализма как экономического уклада проблематичным. Вместо угрозы “турбокапитализма”, якобы ведущего борьбу с институтами государства, миру, согласно Эльзенхансу, угрожает интенсификация всемирной борьбы за ренту и дальнейшее ослабление мировой (капиталистической) системы. Не “больше государства”, но “больше капитализма” (с одновременным расширением прав и возможностей труда) – вот современная альтернатива глобальному экономическому кризису.

Подход Эльзенханса, создавшего, на мой взгляд, одну из фундированных политико-экономических теорий, позволяет понять причины провала инициированных государственными классами “сверху” модернизационных проектов в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки, что привело в итоге к потрясениям, известным как “арабская весна”. По мнению исследователя, шансы арабских революций на закрепление достигнутого напрямую связаны со способностью новых властей обеспечить массовую занятость населения. Для чего, по убеждению экономиста, необходим отказ от односторонней ориентации на экспорт сырья, повышающего цену труда и не позволяющего девальвировать национальную валюту в целях облегчения национального экспорта. При этом послереволюционным арабским странам не обойтись, по мнению автора, без помощи ЕС, подразумевающая поставки в них европейских “излишков” продовольственных товаров [Elsenhans, 2012^a, S. 57–64].

Политэкономический анализ Эльзенханса также представляется весьма актуальным для исследования современных противоречий в развитии российской экономики и общества. Россия, несмотря на внушительный экономический рост 2000-х гг., так и не совершила перехода от “рентной” к “инвестиционной” модели хозяйствования. Как результат, страна столкнулась с рядом проблем, вытекающих из логики “сырьевой модели”, которая *de facto* привела к торжеству “экономики рантье”.

Случай России: от служилого класса – к классу рантье?

Такая ситуация сложилась не случайно. Для этого были определенные объективные предпосылки: исторические, природно-климатические и геополитические (как тут не вспомнить известную теорию “*path dependency*” – зависимость от предшествующего развития, на основе которой в последние десятилетия пытаются объяснить причины неудач реформирования страны). Россия на протяжении большей части своей истории строилась как **унитарное государство**. Как отмечают авторы Комментария к Конституции РФ 1993 г., “Россия создавалась и развивалась как централизованное унитарное государство. Чем более крепла царская власть, тем четче идеи единой и неделимой России принимали государственные формы” [Конституция...1994, с. 30].

Известный представитель евразийского движения, видный юрист и государствовед Н. Алексеев объяснял указанную особенность так: «Характерность русской истории, как это, впрочем, установлено нашими большими историками, определяется причинами чисто естественными, географическими. Главное явление нашей истории, как справедливо указал С.М. Соловьев, есть колонизация. Но в процессе колонизации Восточной Европы из всех европейских народов славяне были крайними, пограничными с безмерными пространствами кочевой Азии. Отсюда вся наша история и есть прежде всего борьба с Азией, приспособление к Азии и ассимиляция Азии. Государство наше родилось в процессе суровой долголетней борьбы с кочевниками, которые были сначала победителями, а потом постепенно стали побежденными. Государство наше, выросшее в этой борьбе, типично имело характер военного общества, построенного как большая армия, по принципу суровой тягловой службы. Свободные формы промышленных обществ были ему совершенно чужды. Оттого жизнь в государстве нашем была не из легких – “постылое тягло”, как говорил наш народ, – всю землю облегло» [Алексеев, 2000, с. 73].

Обобщение подобного взгляда на истоки унитарно-имперской природы Российского государства дал в своих трудах выдающийся историк В. Ключевский: “Московское государство зарождалось в XIV веке под гнетом внешнего ига, строилось и расширялось в XV и XVI веках среди упорной борьбы за свое существование на западе, юге и юго-востоке... Оно складывалось медленно и тяжело. Мы теперь едва ли можем понять и еще меньше можем почувствовать, каких жертв стоил его склад народному благу, как он давил частное существование. Можно отметить три его главные особенности. Это, во-первых, боевой строй государства. Московское государство – это вооруженная Великороссия, боровшаяся на два фронта... Вторую особенность составлял тягловый, неправовой характер внутреннего управления и общественного состава с резко обособившимися сословиями... Сословия различались не правами, а повинностями, между ними распределенными. Каждый обязан был или оборонять государство, или работать на государство, то есть кормить тех, кто обороняет. Были командиры, солдаты и работники, не было граждан, то есть гражданин превратился в солдата и работника, чтобы под руководством командира оборонять отечество или на него работать. Третьей особенностью московского государственного порядка была верховная власть с неопределенным, то есть неограниченным пространством действия” [Ключевский, 1957, с. 47].

Действительно, следует признать, что консолидации общества и унитарности Российского государства способствовала и постоянная угроза внешнего нападения. Поэтому практически вся послемонгольская история России – борьба за выход из геополитической и торгово-экономической изоляции, за выход к морям и океанам.

Это требовало концентрации ресурсов в руках государства в ущерб развитию общественной самоорганизации. Между тем для освоения огромных территорий не хватало людских и организационных ресурсов. Российское же общество было достаточно **аморфным и слабоструктурированным**. Изначально практически не было зачатков действительного муниципального (городских и цеховых организаций) самоуправления. Достаточно вспомнить, что сам институт земства был организован “сверху” лишь в XIX в. Все это определяло предрасположенность России к созданию **государства мобилизационного, патерналистского и распределительного типа**, а в конечном итоге – к основанной на ренте модели воспроизводства и распределения ресурсов.

Подобное государство генерировало для реализации своих целей особый служилый (государственный) класс, который выступал фактическим распорядителем (распределителем) его ресурсов – то есть все той же ренты, производимой в наиболее рентабельных отраслях хозяйства. От того, куда направлял эти ресурсы служилый класс (на развитие страны или на удовлетворение собственных “корпоративных” интересов), зависело состояние российского общества. В то же время принципиальная незавершенность (по европейским меркам) нескольких основных попыток модернизации России так и не позволила частным предпринимателям или институтам гражданского общества превратиться в автономных акторов, способных существенно влиять на определение общей стратегии развития страны. Окончательного освобождения различных сословий российского общества от государственного “тягла” (как определял это видный представитель “государственной школы” в русской историографии Б. Чичерин) в итоге так и не произошло [Чичерин, 1866, с. 413–417].

В свою очередь, периодическое ослабление или распад сословно-ресурсного государства вследствие системных кризисов и революций ставили в катастрофическое положение целые социальные группы и территории, провоцируя возврат к этатизму и к той или иной версии рентно-распределительной модели экономики. Эти процессы оказываются в центре внимания многих современных исследователей, размышляющих о сути событий, свидетелями которых мы стали в последние десятилетия. В этой связи нельзя не упомянуть, например, концепцию О. Шкаратана, который определяет сложившийся в современной России строй как неоезтакртизм. Этой социально-экономической системе присуща не частная собственность, а особый вариант собственности, которая, “как и ее предшественница, корпоративная собственность советской номенклатуры... представляет собой сословную привилегию правящего слоя. Современный капитализм и новый российский строй не просто далеки друг от друга: они антиподы” [Шкаратан, 2009, с. 124].

Реформы, контрреформы и даже революции приводили к сохранению либо возникновению новой версии государственного класса, контролирующего доходы (ренту) от преимущественно огосударствленного национального хозяйства, что дополнялось механизмами “теневой экономики” и так называемого “бюрократического торга”. Развивая эту логику, С. Кордонский, говоря о существовании в России вплоть до сегодняшнего дня “ресурсного” государства [Кордонский, 2000; 2007], утверждает, что в нашей стране не существует рыночной экономики, а само общество организовано по сословиям, за которыми закрепляется право на определенную долю ресурсов. При этом ресурсами считается все, что может быть распределено [Кордонский, 2007, с. 13–14, 15–17, 27–28]. Ресурсы, согласно Кордонскому, заменяют собой человеческий капитал, а равно и другие виды капиталов (экономический, культурный, социальный и символический), которые, согласно П. Бурдьё, должны свободно конвертироваться друг в друга, обеспечивая динамичное и качественное развитие общества [Bourdieu, 1986, p. 241–258].

В какой-то мере перекликается с концепцией Кордонского теория, разрабатываемая с начала 1990-х гг. новосибирским ученым О. Бессоновой (см. [Бессонова, 1994]). С ее точки зрения, типичной для Запада рыночной экономики в России противостоит другой основной тип экономики – “раздаточный”. Для него характерно пренебрежение принципами эквивалентного обмена, свойственным рыночным отношениям, в пользу принципов “сдач” (то есть концентрация доходов от всех видов деятельности в руках

власти) и последующих “раздач”, то есть распределения всех имеющихся ресурсов в соответствии с выстроенными властью приоритетами. По сути, это схема сбора и перераспределения рентных доходов между членами сообщества. Бессонова показывает, что в истории России неоднократно бывали периоды кризиса “раздаточной экономики”, когда делались попытки перейти на рыночные принципы ведения хозяйства. Однако все эти попытки кончались отторжением реформаторских идей и возвращением к практике “раздатка”, хотя и несколько модифицированного [Бессонова, 2006]. Правда, процессы глобализации современной экономики открывают возможность постепенной конвергенции рынка и раздатка, когда, с одной стороны, в рыночную экономику все больше вписываются социально ориентированные перераспределительные процессы, а с другой – необходимость резкого повышения эффективности производства вынуждает внедрять в раздаточную экономику рыночные принципы [Бессонова, 2014].

Нельзя не отметить и работы С. Кирдиной, предложившей разделять институциональные конструкции рыночной и рентоориентированной экономики как, соответственно, *Y*-матрицу и *X*-матрицу. Под этими матрицами подразумеваются качественно различные наборы взаимосвязанных базовых институтов, регулирующих функционирование основных общественных подсистем – экономики, политики и идеологии, способствующих воспроизводству модели отношений, основанных на индивидуализме и обмене, с одной стороны, и коллективизме и перераспределении – с другой [Кирдина, 2004].

Многие исследователи специфики социально-экономической системы современной России оперируют в своих работах понятием “власть-собственность”, которое было введено известным историком-востоковедом Л. Васильевым. Эти разработки восходят еще к советским временам, когда изучавшие наследие К. Маркса обратили внимание на сходство советской институциональной конструкции со специально выделенным Марксом понятием “азиатский способ производства”. С началом 1990-х гг. в России появилась возможность высказать эти идеи публично (см., например, [Нуреев, 1993]). В дальнейшем анализ хода экономических реформ и сопровождающих их изменений в институциональной структуре российского общества привел к выводу, что на деле сложившаяся в советский период институциональная структура “власти-собственности”, в которой собственность не самостоятельна, а зависит от встроения в иерархическую систему власти, не была разрушена. Произошла лишь ее переинституционализация (см., например, [Нуреев, Рунов, 2002^a; 2002^b; Плискевич, 2006]).

Эти выводы подкрепляются и анализом институциональной структуры как предшествующих периодов развития нашей страны (см., например, [Латов, 2004]), так и других государств, проходивших в своей истории аналогичный этап развития. Делается попытка реконструировать общую логику процесса трансформации рентной модели в современных российских условиях. По мнению представителя экономической антропологии К. Поланьи, СССР являл собой яркий пример экономической системы перераспределительного типа, сочетавшейся с индустриальным экономическим укладом [Polanyi, 1968; Великая... 2007]. В целом, многие современные исследования свидетельствуют, что с проблемами рентоориентированной экономики (так или иначе называемой) в своем историческом развитии сталкивались практически все государства. Но переход из одного состояния в другое совершался не только благодаря созреванию объективных предпосылок, но и в результате грамотных деловых элит, осуществляющих необходимые преобразования¹. И пример России тут весьма показателен.

1990-е гг. в России из-за противоречивого характера и непоследовательности экономических реформ обернулись масштабной деиндустриализацией страны. Это вывело на первый план сырьевой сектор в качестве основы национальной экономики

¹ Отдельная, не затрагиваемая мной здесь, и большая, связанная с этим тема, – анализ Д. Нормом, Д. Уоллисом и Б. Вайнгастом комплекса процессов, связанных с условиями, при которых у “естественного” (рентоориентированного) государства появляется возможность перехода в состояние “зрелости” современного государства [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011]).

и создало предпосылки для закрепления “рентной модели” хозяйствования. Одновременно образовался слой бизнес-рантье (олигархов), эксплуатирующих наиболее рентабельные отрасли экономики.

С начала 2000-х гг. в результате усиления этатистско-бюрократического сегмента к “олигархам-рантье” добавились крупные государственные чиновники и так называемые “силовики” (ставшие формально или неформально крупными собственниками), которые, вследствие повышения их властно-политического статуса, начали претендовать на свою долю ренты, извлекаемую из наиболее рентабельных отраслей экономики страны (нефтяная и газовая отрасли, часть ВПК, химическая и металлургическая отрасли), – так называемые “бюрократическую” и “силовую” ренту [Волков, 2012]. Современные российские естественные монополии и госкорпорации – также часть политико-экономического механизма, нацеленного на извлечение ресурсной ренты.

Одновременно была фактически заблокирована структурная перестройка экономики, которая позволила бы России создать массовый и устойчивый средний класс и перейти от рентной (перераспределительно-коррупционной) модели к модели “интенсивного роста”. Это приблизило бы Россию к “классическому” капитализму западного образца. Однако последнее противоречило бы интересам элитных групп, стремящихся сохранить свой монопольный контроль за соответствующими источниками ренты, вследствие чего необходимые преобразования были заблокированы российским “бюрократическим классом”. Последний очевидно не заинтересован в комплексной модернизации страны, поскольку развитие “массового капитализма” неизбежно ослабит его монополию в системе “власти-собственности”.

В результате “законсервированная” в современной России рентная модель экономики, помимо деиндустриализации и прогрессирующего обесценивания квалифицированного труда (вместо обозначенного Эльзенхансом расширения его возможностей и прав), сделала востребованным дешевый труд экономических мигрантов из бывших республик СССР, что деформирует российский рынок труда. Сложившаяся в стране институциональная система ориентирует человека не на развитие, не на совершенствование своего человеческого капитала, а прежде всего на поиск социальных сетей, вписавшись в которые он сможет поучаствовать в процессах перераспределения природной или административной ренты. В результате социальный капитал угнетает капитал человеческий [Плискевич, 2012].

Само существование столь крупного государства, столь масштабного экономического пространства, как Россия, невозможно на основе рентной экономики, не обеспечивающей интенсивного и качественного социально-экономического развития территорий. Очевидно, что с помощью сугубо административных методов (единая властная вертикаль) эту проблему не решить.

Суть современных противоречий в России связана с ситуацией, когда условные “этатисты” хотят сохранить исключительное право изъятия ренты за представителями государственно-бюрократического “слоя” и связанного с ним “олигархического” капитала, а представители среднего класса стремятся к иной модели воспроизводства национального богатства, основанной на конкурентных механизмах и необходимых социально-правовых гарантиях от государства. Так или иначе, но побудить российских бизнес-акторов обзаводиться, помимо корпоративных, также общественные интересы невозможно без участия самого гражданского общества и его институтов. Однако для этого необходимо преодолеть сопротивление российского “государственно-бюрократического” класса, что невозможно без масштабной социальной базы, создание которой блокируется в рамках стратегии деполитизации.

При этом дальнейшая социальная и политическая консолидация на базе рентной модели государства и экономики невозможна. Российский средний класс находится в конфликте с государством-рантье, последовательно отказывающимся от своих социальных обязательств. В результате умножаются противоречия и конфликтные напряжения по линии “общество–государство”. Ситуация усугубляется застойными и кризисными явлениями в российской экономике, связанными с исчерпанием эффектов “сырьевого роста” [Жуковский, 2013]. Эффект “сжатия” российской экономи-

ки вследствие прекращения устойчивого экономического роста, как представляется, может привести к росту напряжения и неуправляемости в социальной сфере, что в перспективе способно нарушить стабильное функционирование политической системы.

Единственный возможный конструктивный выход из складывающейся ситуации для России – достижение стратегического консенсуса между основными элитными группами и социальными стратами относительно эволюционной трансформации “рентной модели экономики” в модель, основанную на качественном экономическом росте, на активном инвестировании в высокотехнологичное производство с соответствующим повышением цены рабочей силы (и прежде всего, квалифицированной). Только этот путь совместим с решением задач модернизации российского общества и экономики, построения современных и эффективных политической и экономической систем. И только он, как я полагаю, будет способствовать эволюционному разрешению проблем, стоящих перед современным российским обществом.

По моему глубокому убеждению, обреченность России на рентную модель воспроизводства и распределения ресурсов вовсе не абсолютна. Для того чтобы извлечение и распределение рентных ресурсов трансформировались в расширенное воспроизводство человеческого капитала, необходимо создать инфраструктуру по его воспроизводству. Основой последней призваны стать социальные сети горизонтального типа, в которых будут воспроизводиться и конвертироваться друг в друга различные виды капиталов (экономического, политического, социального, символического). Они призваны постепенно заменить доминирующие сегодня в России сети жесткого и вертикального характера, сформированные вокруг институтов власти и ориентированные на изъятие и последующее перераспределение ресурсов². Для этого, в свою очередь, необходимо изменение общей стратегии и характера деятельности государственной власти в России, а также особенностей ее взаимодействия с обществом и экономическими акторами за счет решения следующих задач:

- последовательное разделение власти и собственности, правовой контроль либо демонтаж монополий, создание условий для полноценной конкуренции хозяйствующих субъектов;

- разумная децентрализация власти и перераспределение полномочий, наполнение федеративных отношений реальным содержанием, что позволит регионам аккумулировать ресурсы для самостоятельного развития;

- системная борьба с коррупцией как силами государства, так и путем вовлечения в этот процесс институтов гражданского общества;

- создание необходимых условий для структурной перестройки экономики на базе высоких технологий;

- дебюрократизация и создание полноценных условий для развития малого и среднего бизнеса;

- последовательная модернизация систем образования, науки, культуры, здравоохранения и социального обеспечения, которые должны превратиться из потребителей “ресурсов” в производителей человеческого и социального капиталов;

- создание полноценной правовой, экономической и социальной базы для местного самоуправления, обеспечение его реальной автономии по отношению к государству и финансово-промышленным группам;

- всемерное развитие взаимодействий между членами общества, составляющих его главный “капитал” и являющихся главным условием его развития, для чего, в свою очередь, необходимо преодоление социальной аномии и отчуждения, проявляющихся в современном российском обществе.

Готово ли Российское государство инициировать подобные изменения “сверху”, покажет ближайшее будущее. Однако “спрос” российского общества на них высок уже сегодня и далее будет последовательно возрастать.

² В связи с этим, в частности, интересна полемика Р. Флориды и Р. Патнэма с Р. Инглхартом (см. [Плискиевич, 2012]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 2000.
- Бессонова О.Э. Институциональный кризис и эволюционные возможности его преодоления // *Общественные науки и современность*. 2014. № 4.
- Бессонова О.Э. Раздаточная экономика как российская традиция // *Общественные науки и современность*. 1994. № 3.
- Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М., 2006.
- “Великая трансформация” Карла Поляни: прошлое, настоящее, будущее. Под общ. ред. Р.М. Нуреева. М., 2007.
- Волков В. Силовое предпринимательство, XXI в. Экономико-социологический анализ. СПб., 2012.
- Жуковский В. О приписках для Путина вместо модернизации экономики (<http://www.odnako.org>). 23.11.2013).
- Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М., 2004.
- Ключевский В.О. Соч. В 9 т. Т. 2. М., 1957.
- Конституция Российской Федерации. Комментарий / Под общей ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М., 1994.
- Кордонский С.Г. Ресурсное государство. М., 2007.
- Кордонский С.Г. Рынки власти. М., 2000.
- Латов Ю.В. Власть-собственность в средневековой России // *Экономические вести Ростовского государственного университета*. 2004. № 4.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
- Нуреев Р.М. Азиатский способ производства как экономическая система // *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти*. М., 1993.
- Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Назад к частной собственности или вперед к частной собственности? // *Общественные науки и современность*, 2002⁶. № 5.
- Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? (Феномен власти-собственности в исторической перспективе) // *Вопросы экономики*. 2002³. № 6.
- Плискевич Н.М. “Власть-собственность” в современной России: происхождение и перспективы мутации // *Мир России*. 2006. № 3.
- Плискевич Н.М. Человеческий капитал в трансформирующейся России. М., 2012 (capital-rus.ru/article/217766/).
- Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866.
- Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009.
- Bourdieu P. The Forms of Capital. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York, 1986.
- Cobden W. Russia: Protection of Commerce // *Cobden R. Political Writing* (1). London, 1967.
- Elsenhans H. Abhängiger Kapitalismus oder bürokratische Entwicklungsgesellschaft. Versuch über den Staat in der Dritten Welt. Frankfurt a. M.–New York, 1981.
- Elsenhans H. Chancen der arabischen Revolution // *Welttrends*. 2012^a. № 83.
- Elsenhans H. Globalisierung von Profit oder Globalisierung von Rente // *Jahrbuch für Wirtschaftswissenschaften*. 2004. Bd. 55. H. 3.
- Elsenhans H. Kapitalismus global. Aufstieg–Grenzen–Risiken. Stuttgart–Berlin–Köln–Mainz, 2012⁶.
- Elsenhans H. Kapitalismus kontrovers. Zerklüftung im nicht so sehr kapitalistischen Weltsystem // *Welt Trends Papiere* 9. Universitätsverlag Potsdam, 2008.
- Elsenhans H. The Political Economy of Good Governance // *Journal of Developing Societies*. Vol. 17. № 2. November 2001.
- Elsenhans H. The Rise and Demise of Capitalistic World System. Leipzig, 2011.
- Elsenhans H. Staat-Wirtschaft-Macht und die Zukunft des internationalen Systems // *Internationale Beziehungen in Debatte. Konzepte zum Verstehen*. Potsdam, 2006.
- Meyers R. Die Theorie der internationalen Beziehungen im Zeichen der Postmoderne // *Internationale Beziehungen in Debatte. Konzepte zum Verstehen*. Potsdam, 2006.
- Polanyi K. P. Primitive, Archaic and Modern Economics. New York, 1968.